

Л.И. Шерстова

Россия, Томск

Томский государственный университет

Этнокультурная основа мировоззренческих констант народов Северной Евразии

В начале XVII в., когда контакты русских и местных народов Сибири стали постоянными, у них, согласно письменным и фольклорным источникам, не зафиксирован культурный шок, вызванный необычным внешним обликом, разными занятиями, образом жизни, культурой, языками друг друга. С финно-самодийскими народами (чудью, весью, ненцами, коми, поволжскими финнами и др.) и тюрко-монгольскими этносами (хазарами, печенегами, булгарами, половцами, а позже с монголами) русские познакомились еще в европейской части, поэтому ничего неожиданного в культуре сибирских аборигенов тундровой, таежной или степной зон не увидели, что и объясняет лаконичность источников в описание культурных особенностей сибирских народов того времени.

Для народов Сибири русские также не представлялись как опасные пришельцы – их цикличное восприятие времени диктовало обновление не только природного, но и социального, политического, культурного ландшафта. Установление русскими своей власти также не встречало непонимания – для них привычными были отношения «господства-подчинения», т.к. тюркские и монгольские народы были потомками полиэтничных «кочевых империй Евразии». Русские служилые люди постепенно замещали прежнюю элиту, а так, как прежняя часто была тоже иноэтничной, то для основной массы зависимого населения Сибири такая ситуация была привычной.

В этой связи важно понимание константы «власти» народами Северной Евразии. Власть в их понимании только тогда легитимна, когда она сакральна, а люди, ее олицетворяющие, и, прежде всего, правитель обладают высоким нравственными качествами. Проявления такого убеждения находят свое отражение в конфуцианстве, зороастризме, культе Неба тюрков и монголов, в вере в «настоящего» царя в русском фольклоре.

Наиболее глубоко эта концепция проработана в конфуцианстве. Уже в период Чжоу (I тыс. до н.э.) вместо культа предков эпохи Шан-Инь укрепляется культ Неба. Оно «широкое, бескрайнее, благодетельно для всех», оно «безличный судья», который наделяет судьбой каждого человека. Перед Небом все равны, хотя оно и находится в особых отношениях с правителем. Не наследственное право давало власть императору. Он получал его согласно мандату Неба, кто имел «дэ» – «божественную силу», т.е. обладал высокой нравственностью, был справедлив по отношению к народу. Если же император пренебрегал этими обязанностями, то другой, имевший «дэ», получал мандат Неба и обязан был свергнуть его [История Китая, 2002. С. 73]. Думается, это помогает понять несомненный парадокс китайской истории при котором китаецентризм, как компонент традиционного мировоззрения, совмещался с управлением страной «варварскими» династиями, за исключением китайской династии Мин, на протяжении почти тысячи лет.

Если согласиться с исследователями, считавшими культ Неба изначально не характерным для дочжоусского Китая, то самым вероятным вариантом его заимствования являлись мигрировавшие во II тыс. до н.э. в «поисках новой родины» вдоль его западных пределов индоарийцы. У них также Небо не было персонифицировано, но почиталось как таковое. И хотя впоследствии нравственное понимание его сущности проявилось в зороастризме как борьба добра – Ахуры Мазды и зла – Ангхро Майнью, первый по-прежнему в текстах был связан с «небесной твердью» [Рак, 1998. С. 21], и олицетворял высокие нравственные качества, именно они объявлялись смыслом человеческого существования. Однако правителем мог стать самый достойный, получив фарн (хварну) – некую «сакральную благодать».

Общеизвестно, что по представлениям древних тюрков, как позже и монголов, власть правителю также даруется Небом при соблюдении им высокой нравственности,

справедливого отношения к подданным [Гумилев, 2004. С. 89]. Обычно культ Неба этих народов связывается влиянием Китая. Однако, учитывая ту роль, которую ираноязычные народы Турфана, Ганьсу, а позже Алтая сыграли в этногенезе древних тюрков [Савинов, 1998. С. 21], следует полагать, что константа о связи власти, нравственности и культ Неба был привнесен в их мировоззрение вместе с иранским этническим субстратом.

Аналогичная константа, видимо, существовала в славянском язычестве. Еще в древнерусских текстах упоминаются два языческих божества, связанные с Небом – Сварог (санскрит *Swal'ga* – небо) и его сын – Дажьбог -солнце [Рыбаков, 1981. С. 266]. Сварог «твердь небесная», наделенная способностью помогать или карать людей. Следствием христианизации стала замена слова Небо на Бог. Однако в древнейших заговор обращение идет именно к первому. Само Небо в славянской мифологии не персонифицировано [Афанасьев, 2002. С. 73]. Но с ним связаны такие понятия, как «промысел (судьба – *Л.Ш.*), проведение, высшая сила, власть» Важный смысл древнего понимания Неба несут поговорки «Наша доля – Божья (Неба – *Л.Ш.*) воля», «Все под небесами ходим» и т.д. [Даль, 1998. С. 502–503]. И хотя нравственный аспект был почти поглощен христианством, тем не менее народный фольклор полон сюжетов, связанных с поиском или приходом «настоящего царя», справедливого по отношению к народу. Возможно, и этим объясняется феномен «самозванства» в российской истории.

Константа «Небо–власть–нравственность–народ», характерная для традиционного мировоззрения как русских, так и народов Евразии, во многом создавала основу для налаживания прагматических отношений. Законность власть определялись ее сакральностью и нравственностью (справедливостью). При этом «своим» или «чужим» был правитель, особой роли не играло. Победу в сражении определяли не только военный опыт, численность армии и другие рациональные факторы. Победа невозможна без поддержки Неба. Именно оно дарует победу достойному. После победы Ермака над Епанчой, последний строит на своей земле русский город Туринск. Уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовал «татарский корпус»: он добросовестно сражался против своего прежнего сюзерена. Столь массовое включение татар в состав служилых людей не противоречило ни их собственным ментальным: установкам, ни государственной практике Москвы. Симпатии первых в выборе сюзеренов базировались на евразийской установке о том, что служить слабому правителю неприемлемо, поскольку он потерял благосклонность Неба. И наоборот: быть на службе у сильного правителя, даже если он прежде был врагом, престижно.

С другой стороны, Москва с XV в. имела богатый опыт постоянного привлечения на военную службу ордынцев. В Сибири подобная практика получила свое развитие. Оказавшись в составе служилого сословия, сибирские татары, телеуты, чаты, часть бурят, якутов и тунгусов сохранили свой воинский статус. Можно констатировать, что разновременные и постоянные межкультурные коммуникации народов Северной Евразии сформировали некую этнокультурную основу, понятную для всех систему мировоззренческих констант, облегчивших движение русских к Тихому океану.

Список литературы

- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2004.
Афанасьев А. Мифы, поверья, суеверия славян. М., 2002.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998.
История Китая /под ред. А.В. Меликсетова. М., 2002.
Рак И.В. Мифы древнего и средневекового Ирана. СПб., 1998.
Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л" 1984.